



Раймонд Паулс:

Раймонд Паулс работает советником президента Латвии по вопросам культуры. С утра он обычно бывает в рабочем кабинете, что в президентском дворце, где телефон только что на части не разывается. Звонит, например, директор театра. «Вы еще не обанкротились?» — юморит маэстро и аккуратно вешает трубку. После чего садится в кресло и съедает конфетку.

ВРАГОВ НАДО ОТСТРЕЛИВАТЬ!

«За последние пять лет я пережил все, что только можно»

— Раймонд Волдемарович, вы можете правдиво рассказать о вашей реакции на выход книги с воспоминаниями режиссера Адольфа Шапира, в которой он отзывался о вас весьма нелестно?

— Нормальная была реакция. Мне кажется, все думали: сейчас Паулс начнет бурное противодействие этой книге. Но я смотрю на эту ситуацию с другой стороны: мне не нравится, когда творческий конфликт превращается в политический. Или даже придается какие-то национальные «проблемы», кото-

рые для меня не характерны.

— Говорят, Паулсу уже давным-давно все на этом свете знакомо. Знаете, так и должно быть. Прежде моя жизнь была связана со сценой, я писал свои песенки. Мне было тогда очень легко. Все удавалось. Было приятно, что я выступал, имел, так сказать, успех и все такое... Все шло как по маслу.

— Теперь масла нет!

— Просто в последние пять лет я пережил, кажется, все, что только можно. У меня были достаточно мрачные периоды. Связанные хотя бы с финансовыми проблемами — когда все сбережения «сгорели» в банке. Это были очень неприятные такие истории, которые я «перепрыгнул» — благодаря своему железному характеру. Сейчас могу

опять довольно-таки самостоятельно действовать. У меня вообще принцип в жизни, кредо — не быть зависимым от чего-то. А когда многие артисты говорят, что деньги их не интересуют — они хотят заниматься лишь искусством, — я в это просто не верю. Деньги имеют, конечно, грязные стороны. Но здесь я говорю о том, что художник не должен зависеть от заказа, от этих несчастных халтур, без которых сейчас многие музыканты вообще прожить не могут.

А то, что Паулс стал немного другим... Очевидно, это так. Где-то я стал умнее. К тому же возраст играет свое. Хочу или нет, но мне все-таки уже за шестьдесят. И я, конечно, становлюсь более спокойным. И может быть, даже более хитрым.

«Когда в Эрмитаже будет портрет Паулса?»

— Была такая легенда у россиян, что вы человек весьма мрачный и хмурый. Но в Риге вы улыбаетесь достаточно часто — давно так?

— (Смеется.) Всегда так было! Здесь виновато телевидение, показывавшее непрерывно мои концертные записи. На сцене обычно играю так, что создается неправильное впечатление. А в жизни я другой.

— Любите пошутить?

— У меня тут в Риге есть знакомая — директор больших исторических музеев, латышка. Я ей недавно позвонил и измененным голосом говорю по-русски: «Из Эрмитажа беспокоят. Я побывал недавно в вашем музее, у нас много претензий. Например, почему у вас нет портрета Паулса?» Она ошарашенно молчит... И я сам не выдержал, засмеялся, по-латышски заговорил. А директор меня последними словами обозвала...

Вообще считаю, что мы отвыкли по-доброму смеяться, обычно насмехаемся — причем в очень наглой форме. Желая обидеть. У нас исчезло доброжелательное такое отношение к другим. Это, конечно, говорит об уровне культуры вообще. Но в жизни нельзя обобщать.

— Вам самому удается это сделать, несмотря на то, что вашу дачу в Юрмале сожгли?

— В принципе сложная история.

меня же «Юрмала» — детище, которое полностью держалось на энтузиазме друзей с московского телевидения и певцов, которые с разных уголков Союза приезжали выступать бесплатно. Они просто хотели пробиться в люди и — приезжали.

Когда артисты говорят, что деньги их не интересуют — они хотят заниматься лишь искусством, — я в это просто не верю

— Вас сейчас коробит лишь то, что за всем этим стоят деньги?

— Только. Мне иногда неудобно становится, что какой-то сопляк, сыгравший всего три ноты, уже заводит разговор о деньгах.

— Но вы же сами сказали, что не верите, когда артист говорит, что деньги для него не главное.

— Это я о настоящих артистах. Я понимаю, конечно, что это ужасно и тяжело, когда ведущий артист Национальной оперы Латвии получает 200 долларов в месяц. Но если ты настоящий артист, то обязан пройти эту «черную кухню». Посмотрите, например, на знаменитых американских актеров. Как они пробились, чтобы дальше что-нибудь сделать! По-моему, я у Дастина Хофмана читал — он по вечерам выполнял грязную работу. А у нас так: дай мне то, дай это, а в конце концов ничего не получается. Сейчас даже такой лозунг есть: «Мы играем так, как нам платят». Я придумал хитрое продолжение: «А мы платим так, как вы играете».

«В Латвии немного толковых людей»

— У вас есть враги в Латвии?

— Полно... Вообще, что такое враг? Это человек, которого нужно сразу отстреливать. Собственно, у меня таких нет. Мои враги — или полные дураки, или же чересчур умные. Умные всегда точно рассчитывают, за что нужно критиковать. Некоторые, кстати, меня просто боятся. Опасаются, что я

ниции и так далее. Вот, например, недавно Бразаускас был с визитом в Москве. Думаю, он кое-что там добился. Надо считать, что Латвия — это все-таки транзитная страна. Идет нефть туда-сюда...

У моей дочери сейчас муж работает в авиакомпании, тесно сотрудничая с границей. Поэтому она вынуждена была поехать с ним на постоянное местожительство в Петербург — дочь работает в нашем консульстве. И она рассказывала мне: какая прелесть, когда можно спокойно поехать из Петербурга в Финляндию. За три минуты пропустят через границу. Финны понимают, что такое Россия... Я сам против, чтобы творческий человек лез в политику, да? Но в Латвии немного толковых людей, способных решать эти задачи. Нет элементарных кадров. И что теперь делать?

«В моем казино найдется место и для бандитов»

— А как же быть с вашей давней мечтой о пиано-баре, в котором бы вы могли спокойно играть?

— Строительные работы идут всюду. Надеемся, к лету достроим. Мне предложили стать президентом этого музыкального центра. Там будет все, что нужно: дискотека, камерный музыкальный театр, большой ресторан, бары. Помещения для фирм... А я вижу одно красивое место: помещение с огромными окнами, выходящими прямо в парк. Так называемый «пиано-бар». Я смогу там изредка играть свои вещицы. Для интеллигентной публики. Которая бы зашла и не сказала, что это — кабак, где бандиты крутятся. Хотя и для них свое место там найдется (смеется). В казино, например. Так что россияне могут ехать на мои концерты в Ригу, а не прямо в Нью-Йорк...

— В ближайшее время вы сами поехать в Россию с концертами не планируете?

— Если есть с чем, я — еду. Только с ретро-программой ехать мне неинтересно. Как с Лаймой в Америке — она полконцерта новые песни исполняла. Потом я мог играть какие-то свои старые вещи, ретро. Это всюду так принято. Что бы там Пугачева ни говорила, но как только она споет что-то из нашего репертуара, всегда — ова-

ции. Будь это «Старинные часы» или «Маэстро», или... как это... «Миллион роз». Вот полтора года назад она в Риге была с концертом. Так публика вместе с ней пела эти песни!

— Недавно один из латвийских банков выпустил кредитную карту с изображением трех символов Латвии — Мариса Лиепы, Михаила Галля и Раймонда Паулса. Вы ощущаете себя символом?

— Ну вы знаете... Символ, не символ — всему свое время. Нас в свое время было несколько таких людей: Хельмут Балдерис — в хоккее, Вия Артмане — в театре, я — в музыке. Еще был рижский балзам. Вагоны строились на РВЗ. ВЭФ был. Вот и все. Так что к новым символам нужно относиться спокойно.

— Есть выражение «загадочная русская душа». А есть ли понятие «загадочная душа Паулса»?

— Что мне скрывать? Мне все время везло — и как музыканту, и как общественному деятелю. У меня все было. Я чувствую и сегодня, что могу выступать как пианист. Хотя я и мало сейчас играю.

Однажды пришли ко мне какие-то американские журналисты. Снимали, болтали-болтали — ничего они о нас не знают, ничего их не интересует. А у меня под рукой был рояль. Я им говорю: вот сейчас я вам исполню Гершвина. Сыграл. Все — эти американцы были моими людьми. Они представить не могли, что я знаю американскую музыку. Будто у нас тут одни дикари живут. Вот такие дела...

Беседовал
Андрей ШАВРЕЙ,
«Семь пятниц» — специально
для «Собеседника».
Рига.

Паулс Раймонд

1197